

ПЕРСОНА

236

— Только без обид: лицо у вас, Сергей Семенович... короче, то ли аристократ, то ли алкоголик. — Для начала дружеской беседы неплохо! А если объединить: аристократ-алкоголик? Барон из “На дне”, например? Только я — Симонович, настаиваю. (Папа — Симон.) Хотите? — И чаек протягивает. Греемся, пока воеет за окном. ...Дрейден на интервью — не очень-то. Да и меня тоже: сиди слушай иной актерский бред, по сотовому кругу сплунутый. А потом колуайся, находи интригу. А Дрейден — птица. Его на лету ловишь. Его “учитель” запал мне еще по “Окну в Париж”: без сального обаяния, без наигрыша, — актер? Да просто свободный организм в кадре. Дождлся титров: “В главной роли — Сергей Донцов”. Потом Сокуров свой “Ковчег” презентует... Смотрю: опять он. Но в титре: “роль Странника — Сергей Дрейден”. А сейчас он в Москве на пару дней (сам-то — питерский): вместе с Ренатой Литвиновой делает кассу МХТ своим Гаевым...

...Нет, правда: сегодняшний МХТ — редкий случай увидеть “театрального Дрейдена”. Вот спросил: “В каком театре служите?” Это не подвох. Еще недавно у Сергея Симоновича было три названия в БДТ. Списали?

— Я перестал ощущать движение внутри себя — это про игру. А повторять пленку не хочется.

— Но восемь лет вы играли свою знаменитую “Немую сцену” — моноспектакль, где одни импровизировали всего “Ревизора”. И это кануло в Лету?

— Всякий раз импровизация длилась в пределах 1 часа 10 минут. Прошли годы. Сейчас засекаю: получается час сорок. Композиция та же, персонажи те же, а время — большее. В чем дело? Ага, постарел. Организм замедляет ход, берет передышку. Он-то знает, сколько сил осталось и что еще впереди! И я отказался продолжать это.

Честен. С собой, по крайней мере. А то слышал сто раз: стоит ветхий театр, приводят туда “молодого-перспективного” главрежа, а старики-актеры трясутся — выкинет он их на улицу или даст отосидеться. Для Дрейдена подобные примеры оскорбительны.

Абонемент в синагоге

— А что это за чехарда с титрами: то вы Донцов, то Дрейден?

— В память мамы в 1989 году в титрах фильма “Фонтан” я назвался Донцовым. (Мама была актрисой, мастером художественного слова. “Донцовым” в школьные годы я объездил пионерлагеря вокруг Ленинграда: в местностях фабрик и заводов, где мама выступала, ей дарили путевки.) Тем самым я хотел отделить работу в театре от работы в кино. Ведь в театре я полностью отвечаю за то, что делаю, а в кино... Все хорошо: сценарий интересный, режиссер — само очарование, партнеры — достойные, а в итоге — общее место и ты в середине. И исправить ничего нельзя — пленка крутится. Так что к Дрейдену я вернулся только в “Русском ковчеге” Сокурова. Тем более что мой персонаж — иностранец...

— Только персонаж? — Нет, и я тоже, в какой-то степени. Дед мой — Давид — до 17-го года владел маленькой типографией в Петербурге, вроде тех, которые сейчас печатают визитные карточки, меленькие рекламки и тому подобное.

— В Петербурге? Что-то я припоминаю о черте оседлости...

— Ну конечно: прадеду Шимону позволили жить в столице империи только потому, что он 25 лет отслужил в царской армии. Его семье было выдано официальное разрешение. Интересно, что типография деда значилась в книге “Весь Петербург” за 1898 год, я нашел ее точное расположение, а еще узнал, что дед имел свое место в

синагоге, абонемент по-нашему. Дед же с материнской стороны — Иван Донцов — был старшим дворником Казанского собора (что-то вроде управдома), ведал огромным хозяйством. Вот так во мне сошлось иудейство и православие. И ничего — мирно живу.

— Ну а что, ваши мама с папой... были в разводе?

— Да, да, да. Не переживайте так. Хотя до развода их развела еще недобрая сила. Я-то был в пионерских лагерях, а папа был в лагерях Сибири: Мариинская система, п/я №... Пять лет из десяти приговоренных он пробыл там до освобождения и реабилитации в 1954 году.

На языке Чуковского и молоке Мейерхольда

— Отец учился в знаменитом месте, — продолжает Сергей Симонович. — Тенишевское училище знаете? Из него много кто вышел — например, Дмитрий Шостакович... А в классе с папой учился сын Корнея Чуковского — Николай. Так вот, в 20-е годы отец стал личным литературным секретарем Корнея Ивановича. Тогда у всех крупных литработников были такие помощники (в 80-е годы я сам формально числился подобным секретарем знакомого члена Союза писателей, ибо, не имея постоянного места службы, мог быть наказан за тунеядство). В дневниках Чуковского не однажды можно встретить: “Симочка, Симочка...”

— А потом?

— Отец сам стал печататься. Рецензировал спектакли. Но началась война. Александринский театр, куда отца пригласили завлитом, эвакуировали в Новосибирск. Только приехали, помню... Сентябрь. Листья пожелтели. Падают. Сидим в здании, отданном под театр: отец, мать беременная...

— Кем беременная?

— Мною! Сидел-сидел внутри, а потом решил показаться: “Ну и что тут у вас дают?”. Там же и почти в то же время родился Андрюша — сын актера Николая Черкасова. Но вот что взаправду удивительно: вырос я на молоке дочки Всеволода Мейерхольда — Ирины Всеволодовны.

— Да что вы говорите?!

— Факт моей биографии. У Ирины Всеволодовны на руках была годовалая дочь Катя — молока хватало еще и на Андрюшу Черкасова, и на меня. Эта щедрость Ирины Всеволодовны описана сыном Петей в его “Книге о родителях”. ...А в 44-м отец становится завлитом Камерного театра Таирова, мы переезжаем из Сибири в Москву, живем буквально за кулисами театра и в 1948-м возвращаемся в Ленинград. Через год отца арестовали как врага народа... Освободившись, он какое-то время прожил с нами, а потом переехал в Москву.

— Вы виделись с ним?

— Только на каникулах. Отец водил меня в “Современник”, тот еще — в гостинице “Советская”. Жадно “знакомился” с Ефремовым, игрой чудных артистов.

...Как итог этого “знакомства” в Донцове-

Дрейдене помимо прочего родился “махающий артист” — человек самой экспрессивной жестикологии. Думаете, почему он в “Русском ковчеге” все время ходит “руки за спину”? Спасибо, что Сокуров прежде отснял черновой вариант — прикинуть, как все будет. При просмотре черновика у Дрейдена было одно на уме: бежать! Бежать прочь и не позориться. Редактор фильма лишь качала головой: “Да-а, Сергей Симонович, вам надо что-то делать с руками...” Тогда-то он и “склеил” их на поясище.

— На самой первой встрече, — отзывается Сергей Симонович, — Сокуров высказался о пластике и звучании персонажа: “Он похож на птицу”. Я помнил про это, но специально не сочинял клюв и крылья. Но мне кажется, летательное существо получилось...

Порода на лице, порода в мешке...

...На красивую роль в фильме Юрия Мамина “Окно в Париж” Дрейдена взяли не сразу. Французы — соавторы постановки — сказали: “Он же староват для картины!” Мол, поглянцеватее нужен. На что Мамин парировал: “Ничего, мы его... упакуюем”. Артист вспоминает с содроганием:

— И начали парики надевать, румянить, молодца из меня делать. Я чувствую, как у меня аж задница вспотела. А лица нет. Чувствую, как мне хочется встать и уйти навсегда. Юра рядом стоит и шутит, какая-то дура рядом стоит и шутит... Я сижу и шучу... Но свинцом наливаюсь. Так на фотопробах и остался со “свинцо-

вым глазом”. Не пойдет. После мне позвонил Юра и сказал: “Мы найдем тебе какую-нибудь роль, что-нибудь придумаем...” Я огорчился: ведь в мыслях так и взлетал уже по Эйфелевой башне. Готов был “нырять” в роль. А мне сказали: будешь ходить в другой бассейн и в другое время. Месяц прошел. И вдруг вечером звонит Юра и говорит: “Сергея, я остановил съемки. Не могу, не получается. Давай?...”

— Это вы все про парики... Не любите, значит? Но Сокуров в “Русском ковчеге” все равно заставил надеть?...

— Не заставлял. Меня на роль вообще без проб взяли. Привели к гримерам... Показали изображение маркиза де Кюстина — один де Кюстин, а другой “как бы де Кюстин”. Все стены гримерной увешаны: усы, бакенбарды, брови, на столах разложены носы, уши и парики, парики, парики... Я скажу так: переодеться еще можно, в одеждах есть какая-то прелесть, может быть подсказка, но парики... я костенею при виде их! А тут под столом стояла коробка с “перке” (на-

Сергей Дрейден: “Меня кормила грудью дочь Мейерхольда”

стоящие волосы, из них сооружают небритость, вклейки-вставки делают, подсобный, рукодельный материал). Я, значит, вижу какие-то завитки... И у меня рука сама тянется! Хаваю эту штуку в завитках и прикладываю к голове. И... чувствую: это то, что надо. Гримеры даже ахнули.

— Там целая фраза, что “у настоящего писателя должны быть хорошие волосы”.

— Верно, эта фраза возникла уже на озвучании. Нет, все это хорошо, но к концу фильма я просто падал от усталости.

— Еще бы: такой маршрут! И снимается зараз, без дублей и склеек.

— Это была моя первая задача: пройти весь маршрут ногами. Чтобы даже не задумывался. И помогло мне знаете что? Я когда-то с геологами работал — у них же есть свои привычки по маршруту... Особенно по тем районам, где можно потеряться.

— Когда это вы с геологами работали?

— С 85-го года — три сезона.

— За чем?

— ...то пенсия маленькая получалась?

— Я же не придумывал стаж, не сочинял справки, как в школе! А на “не такие роли” меня почти и не приглашают: по типу не поджогу, слава богу.

Такой вот человек. Которому повезло от рождения просто быть самим собой. И “упаковывания” он не поджелит. Про интервью мне говорил, визируя: “Слушай, ну чего ты связно выстраиваешь за мной предложение? Я же все равно так не говорю!” Да бог с ним, Сергей Симонович. Наступит день, и руки, пока скленные на поясище, обретут движение.

Ян СМЕРНИЦКИЙ.